

JĘZYK

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЯН
Южный федеральный университет

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВЫХ МИРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

The Interaction of Linguistic Worlds in Contemporary Russian Speech

Ключевые слова: иноязычные вкрапления, двуязычные дублеты, заимствование, современная русская речь, спонтанная речь, язык телевидения

KEYWORDS: alien words, bilingual doublets, borrowing, present-day Russian speech, spontaneous speech, Russian speech on TV

АБСТРАКТ: The paper deals with alien linguistic elements in contemporary Russian speech on television. The analysis reveals the systematic character of their usage which serves particular pragmatic functions such as filling in lexical gaps, adding national color, etc. What presents the greatest interest are the cases showing that speakers are often aware of non-concurrence of lexical meanings (and conceptual systems) in different languages and even ascribe to the words from other languages new meanings and additional connotations they originally had not in the languages they come from (among the dominating ones are English, German, French and Italian, having the full scope of functions). Accordingly, today many native speakers of Russian (to different extent) live in several interacting linguistic worlds, using freely the resources of other languages, borrowing whatever they need for their mental model of the world.

Предметом нашего исследования являются иноязычные вкрапления, а также трудноотделимые от них заимствования на ранних этапах освоения, в речи коренных носителей русского языка, в полной мере владеющих литературной нормой. Основными источниками материала являются телепередачи канала «Культура» (далее приводятся без ссылки на канал), спортивные передачи на разных каналах, а также радио «Эхо Москвы» (далее – ЭМ) за последние 9 лет. Телевидение в этом плане представляется особенно показательным: очевидно, что лекторы, телеведущие и другие участники передач ориентируются на достаточный уровень владения английским (реже – другими языками) значительной части аудитории.

Существуют различные исследования, посвященные иноязычным элементам в русских текстах различных исторических периодов: (Чернышёва 1994; Филин 1981a; 1981b; Ланчиков 2005; Горбов 2014) и др., а также иноязычным

вкраплениям в художественных текстах тех или иных авторов (Листрова 1974; Карпенко/Щербак 1974), в русской поэзии (Николаев 2005).

В работах по истории русского языка отмечается использование иноязычных единиц и выражений для заполнения лакун, что считается главной причиной заимствования. Зафиксировано и описано двуязычное дублирование номинаций в русских текстах разных исторических периодов (см. Чернышева 1994; Филин 1981a, 78–79; 1981b, 51), которое обычно служит освоению новых понятий и реалий, приобщению к достоянию других народов и культур, уточнению терминологии. Кроме того в литературе по стилистике и теории перевода, включая учебную, для иноязычных элементов отмечается функция создания национального или местного колорита. Что касается освещения иноязычных элементов в современной речи, в том числе дублирования номинаций, встречается мнение, что употребляя такие слова, нередко даже для пояснения соответствующих русских слов, носители языка «больше заботятся не о внятности мысли, а о солидности собственного речевого образа» (Ланчиков 2005, 38). Такая позиция, но в более резкой форме, высказывается во множестве публицистических работ, в сочетании с заявлениями об угрозе разрушения родного языка, в котором уже есть подходящие слова, поэтому заимствования являются избыточными. В то же время Л. П. Крысин, хотя и отмечает, что многие носители языка считают иностранное слово более престижным по сравнению с соответствующим русским словом, признает, что

даже в тех случаях, когда свежее, недавно заимствованное слово кажется несомненно лишним, дублирующим значения уже существующих в языке слов, наблюдается процесс семантического и узуального размежевания близких по смыслу лексических единиц (Крысин 2008, 174).

А. А. Горбов полемизирует с теми, кто считает фактор престижности заимствований существенным; по его мнению, он не представляет собой причину заимствования, а является «вторичным эффектом» (2014, 139). Обращаясь к данным Национального корпуса русского языка и словарей, А. А. Горбов показывает, что в большинстве случаев эквивалентность исконного и недавно заимствованного слова не является полной, и за иноязычным словом закрепляется новое содержание (там же, 137).

Следует отметить, что в работах, относящихся к речи коренных носителей русского языка, рассматриваются, в основном, заимствования, а не окказиональные вкрапления; последние нередко исследуются применительно к языку художественной литературы, где они имеют ряд функций, не представленных ни в других типах текстов (такие, как передача неисконной русской речи, интертекстуальные связи и т.д.), ни в устной речи.

Исследования прошлых периодов истории языка основаны на материале письменных памятников, что представляется естественным. В нашей же статье анализируется материал живой речи, в большинстве случаев спонтанной (репортажи в прямом эфире, интервью) или близкой к спонтанной, что позволяет увидеть многое из того, что не отражается в письменных текстах: процесс создания высказывания, поиски слова, самокорректировки и т.д., а также учесть реальную ситуацию коммуникации.

Оформление языкового материала в данной статье, насколько это возможно, отражает произношение, в котором слово было зафиксировано: примеры даются латиницей, если они были озвучены в соответствии с фонетикой иностранного языка (насколько говорящий ей владеет), и кириллицей, если слово звучит в русском произношении. В тех случаях, когда по русской записи может быть трудно опознать слово, оно дублируется в записи на соответствующем языке. Впрочем, реальное произношение бывает непоследовательным: *Мне обидно было, когда в произведении «Black Orфей»*... (М. Бручев, труба, «Большой джаз», 4 тур); *Играет «Лондон Symphony Orchestra»* (А. Парин, «О пении, об опере, о славе», ЭМ, 26.08.2014), *Опережают сильно американки сплит World-рекорда* (Олимпийские игры, плавание, 1.08.12); *Ещё одна set-опера есть у Пёрселла – «Индийская королева», «Indian Queen»* (А. Парин, «О пении...», ЭМ, 30.06.2012); и даже в пределах одного слова: *Это тебя обедняет как п[э]р[ф]о[r]мера* («Большой джаз», финал, Н. Левиновский – член жюри).

При отборе языкового материала иногда возникает проблема разграничения собственно иноязычных вкраплений и заимствований, уже ставших вполне узуальными. Укоренение в узусе – процесс относительно быстрый: за время сбора языкового материала мы стали свидетелями такого развития для многих лексических единиц: *челлендж, мессадж, дедлайн, бэкграунд, саммари* и ряда других. Показательно, что последнее из них сначала само вводилось с комментариями (*Нас ждёт саммари – лучшие моменты матча* – объявление, звучавшее после каждого репортажа с матчей чемпионата мира по футболу в ЮАР), иногда оно и сейчас поясняется: *Сейчас повтор – саммари – выступлений призёров* (Олимпийские игры, художественная гимнастика, 20.08.2016), но в то же время оно уже служит для разъяснения другого иноязычного слова: ... *ну и хайлайты – иначе говоря, саммари* (матч «Тоттенхем» – «Эвертон», 11.01.2012). С другой стороны, не может быть уверенности, что то или иное слово не является узуальным в какой-либо среде, например, представителей отдельных видов спорта, музыкантов, артистов балета и т.п. Для нас при отборе материала определяющей была явная инопородность элемента, осознаваемая говорящим, тем более когда она является прагматически значимой.

Иноязычные вкрапления вызваны разными причинами. Они могут быть отражением чисто внешних обстоятельств – постоянного существования в иной языковой среде или в условиях многоязычной и поликультурной коммуникации, когда общим языком для всех собеседников является английский. В этих случаях, видимо автоматически, выдается более привычное слово, ср. *Они продают нам по production price* (Е. Гениева, директор Библиотеки иностранной литературы); *Мне очень понравилась ваша légèreté, толчок...* (Азарий Плисецкий, много работавший с М. Бежаром, «Большой балет», 11.11.2012); *То, что мне понравилось, это plasticità* (там же, В. Деревянко, живущий в Италии); *Это же verismo!* (Д. Хворостовский, мастер-класс, 5.02.2012). *У нас уже есть customary, который пользуется нашей платформой* (ЭМ, 19.04.2015).

Очень часто иноязычное слово или выражение сопровождается русским: *Ты теряешь качество, качество своего тела...* (Анна Осадченко, солистка Штутгартского балета, «Абсолютный слух», 16.01.2013); *Если там не dorria, не удвоенная...* (Д. Хворостовский, Мастер-класс); *Онегин – это reflection, т.е. отражение наших собственных чувств* (там же); *Причем этот проект был ко-продакшен – совместная постановка...* (концертмейстер оркестра в Израиле, «Абсолютный слух», 19.10.2011); *Мои родители справедливо относились к тому, что называется crossover – смешение жанров* (Ольга Растропович, «Большой джаз», предпоследний тур); *Поговорим о вашей жизни. Вот какие были ups and downs, провалы и подьёмы?* (ведущая И. Никитина, «Энигма. Паата Бурчуладзе», 11.05.2017).

Такой повтор – чрезвычайно распространённое явление, отмеченное и для других исторических эпох (Чернышева 1994; Филин 1981, 51). Он может быть стихийным и не нести особого содержания: синонимические повторы – характерная черта устной речи вообще; однако они же могут нести определённые прагматические функции, которые и будут рассмотрены ниже.

Так, в лекциях проекта «Academia» и подобных передачах параллельное употребление английского термина наряду с русским может объясняться тем, что он принят в международном научном обиходе – на конференциях, в научной литературе и т.д.: *Рубль – это типичная сырьевая валюта, или commodity currency* («Финансовый ликбез», 3 канал Московского ТВ); *Термин «биг бэнг» – Большой взрыв – возник позже («Жизнь замечательных идей», 21.08.2013); Это так называемые по-английски tailored materials, или материалы, сшитые на заказ* (И. В. Ковальчук, физик, Academia, 11.01.2013); *Это и есть то, что в англоязычном искусствоведении называется classical revival, т.е. дословно «оживление античности»* (Academia, Д. О. Швидковский, историк архитектуры, 9.04.2013; далее в лекции только по-русски – «оживление античности»). *В английском принято название big history [«биг хистори»], а по-русски название*

«эволюционная история». Характерно, что у многих лекторов презентации также содержат текст на английском языке. Могут использоваться и термины из других языков, особенно если они связаны с соответствующей национальной научной традицией: *Немцы в 30-е годы прошлого века дали этой структуре название Übertoleküle – сверхмолекула* (Academia, 23.11.2010); *Вот эта по-французски la vie quotidienne, а по-русски повседневная жизнь, или частная жизнь...* (А. Чубарьян, Academia, 23.12.2010 – о формировании во Франции т.н. истории повседневности). Иноязычный эквивалент может раскрывать принятый термин: *Есть волна P [пэ] – primary, первичная волна* (Н. В. Короновский, «Геологические катастрофы», Academia); *Они образуют группу НЕО – Near-Earth-Objects* (М. Я. Маров, Academia).

С другой стороны, в передачах разного типа часто приводится оригинальное название какой-либо реалии, которое в этом случае предстает как знак иной страны, культуры, эпохи: *Как только начинается Christie, везде-везде, где есть хоть какая-нибудь трупна, ставится «Щелкунчик»* (Н. Цискаридзе, речь идет о США); *У американцев вообще большой прогресс в области футбола – соккера* (матч «Астон Вилла» – «Манчестер Юнайтед»); *Когда приходят на банкет все эти донэйшеры...* (Н. Цискаридзе, о спонсорах театра «Метрополитен»); *Вот об этом возвещал этот колокол – корфью-белл [curfew bell]* (П. Любимцев, «Путешествие натуралиста», 19.07.2017); *[в руках у него] доска для игры в го – го-бан* (Е. С. Штейнер, «Манга Хокусая», Academia); *Выиграл два последних Community Shield'a* (Суперкубок Англии, «Челси» – «Манчестер Сити», 14.18.2012); *... чтобы построить на осушенной территории – reclaimed это называется...* («Галопом по Европам», о Гонконге, ЭМ, 19.08.2013).

В некоторых таких контекстах само слово выступает как некая культурная реалия, как принадлежность определенной страны и культуры. Часто такие выражения сопровождаются словами вроде «как говорят французы (немцы, англичане и т.д.)». *Для меня Нью-Йорк – это, как говорят американцы, positive craziness, сумасшествие в хорошем смысле* (Д. Мацуев, «Абсолютный слух»).

Даже в тех случаях, когда иноязычное выражение употребляется, казалось бы, без всякой функции, по чисто внешней причине, например, когда человек не может сразу вспомнить нужное слово родного языка, оно, тем не менее, может создавать определённые эффекты, например, передавать местный колорит: (А. Лиепа, артист балета, продюсер) *Там маленькая есть charelle, в которой я постоял и помолился...* (другой участник передачи, поясняя) – *Церковь...* – (А. Лиепа): *Нет, не церковь... часовенка* («Сати», 6.12.2010). Не всегда можно с уверенностью определить, является ли данный эффект запланированным или случайным.

Примечательно, что лексика, которая не относится к безэквивалентной в привычном смысле этого слова, в русском контексте может (уже в силу принадлежности к другому языку) приобретать коннотации, изначально ей несвойственные: *Американская традиция – чтобы всё было fine* (Н. Цискаридзе об американской сценической манере в балете и об американской улыбке, которой специально учат); *Для меня музыка Верди – это прежде всего – passione, patos, affetto...* (И. Дубровская, певица); (Беседуют пианист А. Гаврилов, артист балета Г. Янин и С. Спивакова): *В Рихтере всё же было много немецкого, для него был важен Ordnung. – Несколько militär.* (С. Спивакова:) – *военизированный. Вот, я у вас выполняю роль переводчика.* В этих примерах иноязычное слово не может быть приравнено к русскому эквиваленту: *Ordnung* выступает не просто в значении ‘порядок’, а ‘порядок в немецком понимании’; *fine* также предстает как нечто специфически американское. В речи певицы слова *passione, patos, affetto* получают значение ‘специфически итальянское’ или ‘вердиевское’. Таким образом, иноязычное слово становится знаком специфического понятия или явления другой культуры.

За многими употреблениями иноязычного слова или выражения (часто с русским переводом или комментарием) стоит ощущение неполного совпадения смыслов слов в разных языках. Видимо, иноязычное выражение представляется говорящему более точным или выразительным, и слово одного языка иногда служит для уточнения слова другого языка: *Я поклонник вашего голоса и поклонник вашего сценического образа – раскаге...* (Д. Вдовин, член жюри, «Большая опера»); *Это такое сливание... – liaison...* (А. Плисецкий, «Большой балет», 28.10.2012); *Когда нужно что-то стоящее выше земли – celeste...* [произносит по-итальянски] (Д. Вдовин). Много, хотя и переводится или комментируется, фактически является лакуной, и это осознаётся и часто подчёркивается говорящим: *Потому что у них есть understatement, у нас – overstatement, у них – недоговоренность...* (С. Тер-Минасова, Academia, 19.07.2013); *И это ожидание ответа, это такое stand by...* (В. О. Подорога, философ, Academia); *И когда он попадает в свой Fach – ящик репертуарный...* (Д. Вдовин, «Большая опера», 27.11.2011). Иногда прямо указывается на отсутствие эквивалента или даже на чужеродность самого понятия для русского сознания и культуры: *На русском языке очень трудно передается английское take love* (Е. Гениева, Academia, 19.12.2013); *Очень многие занимаются балетом, как они сами говорят, для фана, т.е. для себя* (педагог, ведущая классы в Финляндии, «Новости культуры», 15.08.2012); *Есть такое слово в немецком языке – Knäbel, это от Knabe – это такая «мальчиха»...* (А. Парин, «О пении...», 17.06.2014 – о голосе, для которого создавалась партия Керубино).

Нередки комментарии к собственным номинациям иностранного языка, само название часто сопровождается буквальным переводом или объясня-

ется, иногда рассматривается его внутренняя форма: *Прозвучала скрипка il Cannone – «пушка» в переводе* (С. Спивакова, 18.03.2013); *И суфлёр в труппе Шекспира тогда назывался не как сейчас – prompter, т.е. тот, кто подсказывает, а – book-keeper* (А. В. Бартошевич, Academia); *Мы-то называем это дужка, а итальянцы называют l' anima – «душа», и французы тоже l' âme – душа* (С. Спивакова, 18.03.2013 – о части скрипки); *... а тут у нас гринбэки – дословно «зелёная спинка», бумажные доллары, у которых одна сторона была полностью зелёная* (А. П. Починок, «Фискал», ЭМ, 25.08.2013); *Вообще этот уголок – kiss and cry – полностью соответствует своему названию* (Олимпийские игры, худ. гимнастика, 20.08.2016); *[о парижской постановке балета Матса Экка «Квартира»] Тогда балет назывался иначе – «Апартамент». Это не только название жилища, это от английского слова a part* («Билет в Большой», 22.03.2013).

Иногда обсуждается возможный перевод оригинального выражения или названия на русский язык или же, наоборот, иноязычное выражение является уточняющим при цитировании: [о произведении Лероя Андерсона *Fiddle-Fiddle*] *Сначала хотели перевести, думали, как перевести, и решили, что это так, ничто, а nothing, – штучка, пустячок* (С. Спивакова); *И персонажи – они называются les partisans, что можно перевести и как «партизаны», но правильнее было бы перевести как «соратники»...* (Н. Цискаридзе, о балете Бежара «Жар-птица», 7.10.2012); [у Шекспира они не называются ведьмами]... *Они называются Weird Sisters – вещице сёстры* (А. В. Бартошевич, Academia, 7.12.2010); *... случайные – или разрозненные – random – наброски* (Е. С. Штейнер, «Манга Хокусая», Academia, 4.10.2012 – пересказ англоязычного автора); *... назвал higgledy-piggledy, я перевожу это как «комбикормно-винегретное»* (там же).

Вместе с тем наблюдаются и другие ситуации: часто иноязычное слово или выражение выскакивает спонтанно, иногда, по-видимому, просто первым всплывает в памяти или является более привычным; оно может дублировать русское слово и не нести при этом никакой содержательной нагрузки: *Мы там обедали, ланч...* (Ж. Алферов, «Ленинградское дело», 28.08.2012 – о столовой Академии наук в 50-е годы); *... остались заведующими кафедрами, так сказать, free of charge, т.е. бесплатно* (Ж. Алферов, «Очевидное – невероятное», 18.08.2012); *Думали, что всё это сказки, такие fairy tales [фэри тэйлз], которые моряки рассказывают* (В. Е. Захаров, математик, Academia, 12.01.2013); *Если у тебя что-то не получается, то цепная реакция – chain reaction – продолжается...* (Прыжки в воду, чемпионат мира, 25.07.2013) *Там была гостиница «Националь» – такой мэтч-бокс, спичечный коробок – так вот он шатался* (Н. В. Короновский, «Геологические катастрофы», Academia). *В рядах оппозиции как обычно – нет единства. As usual, как говорится* (Н. Басовская,

«Всё так», ЭМ, 17.11.2012); ... особенно для медных – для брасс-бэнд (А. Варгафтик, «Партитуры не горят», 18.02.2012); Это был такой типичный *self-made* – самоучка (Н. И. Басовская, «Всё так», 13.10.2012); Потом нам позвонили по радиостанции, по воки-токи, и сказали... (И. Мельников, океанолог, Academia, 13.09.2011).

Для говорящего русские и иноязычные лексические единицы, по-видимому, могут быть равноправны и вполне взаимозаменяемы. Довольно часто русские и иноязычные слова даются в одном синонимическом ряду, одно поясняется, раскрывается или дополняется через другое. Мы можем видеть, что английский. (и/ или другие иностранные языки) постоянно присутствует в сознании многих носителей русского языка и часто вмешивается в формирование высказывания на русском языке.

Иногда соответствующее русское слово подбирается не сразу, и даже, возможно, с меньшей точностью: Писались ли сонеты с желанием сделать из них *sequences* – какие-то группировки... (И. Приходько, литературовед, «Игра в бисер», 25.03.2014); Вот брёвна, самолёты, машины – полный микст-ап – коктейль из всего этого (Academia, геолог, 16.04.2013 – о снимке с последствиями цунами); Физическое насилие даёт 98 – я бы по-английски сказала *entries* – словосочетаний... (С. Тер-Минасова, Academia, 18.07.2013). В некоторых случаях наблюдаются трудности в подборе русского эквивалента: Американская публика, я бы сказал, одна из самых... *friendship*... дружельюбных (Д. Мацуев, «Абсолютный слух», 9.09.2015 – уточняет после подсказки); Как играем первую – *introduce*, как вступаем (Даниил Крамер, «Сати»); Играть правильный... *keep the time* (Н. Левиновский, «Большой джаз»). Примечателен пример поиска подходящей номинации вообще без обращения к русскому языку: Найди такое качество в своей *personality*, свою *personnalité*, чтобы она соответствовала качеству исполнения (В. Самодуров, хореограф, прежде работавший в Голландии, «Царская ложа»).

Иноязычное слово или выражение может употребляться либо потому, что оно более привычно, либо потому, что представляется говорящему более точным. Иногда называемое на иностранном языке явление или понятие может быть выражено средствами русского языка, но для него нет готового, закреплённого названия: И вот человек, который сидит на паспортном контроле – *immigration officer* – ... (С. Тер-Минасова, Academia, 19.07.2013); Он вошёл как *sleeping*, или *silent*, *partner*, т.е. не участвующий в самой работе, но инвестирующий (Л. Штерн, «Иосиф Бродский – поэт без пьедестала», 3.03.2016); Следующая строчка очень милая – *political contributions* (А. П. Починок, «Фискал», ЭМ, 8.09.2013). ... Срочно бросить его на то, что по-английски называется *damage control* (Е. Альбац, «Особое мнение», ЭМ, 14.08.2012); Возможна сложная система того, что на Западе называют

job-sharing («Наблюдатель», 21.01.2013); ... *необходимость совмещения профессии главного дирижёра, художественного руководителя, с social life* (Г. Рождественский, «Дирижёр или волшебник?», 11.08.2016). Довольно часто такое выражение сопровождается развёрнутым комментарием или раскрывается в последующем контексте (это относится и к четырём последним примерам, но комментарии, по причине их объёма, здесь не приводятся).

В то же время английские слова (возможно, и слова из других иностранных языков) могут использоваться довольно свободно в русской речи в тех же самых СМИ без перевода, пояснений и комментариев; видимо, предполагается такой круг слушателей, которым эти слова понятны (некоторые из них, правда, могут считаться уже вполне узуальными, но не все): *Чем ты глупее, тем ты более welcome* (Д. Быков, «Особое мнение», ЭМ, 1.12.2010); *Существовала традиция бульварной фантастической литературы, которая отчасти была переводной, отчасти – homemade* (Галина Юзефович, лит. критик, «Хроники Изумрудного города. Александр Волков», 14.07.2016); *Здесь всё дерзость, всё и с к е й н [escape] от того, что полагается* (Нина Геташвили, искусствовед, «Цвингер. По следу дрезденских шедевров», 14.07.2017); *Как вам кажется, здесь есть love story [лав-стори] или это бессюжетный балет?* (С. Бэлза, «Большой балет», 28.10.2012); *Да, это был некоторый апдэйт. ... Такие апдэиты очень портят книги* (М. Пиотровский, директор Эрмитажа, 3.10.2017 – о том, что на иллюстрации в средневековой рукописной книге были заново написаны лица); *И у него две культуры, два языка, можно сказать, fluent* («Наблюдатель», 2015); – *Как при таком обвале пропаганды добраться до народа думающим людям? – Ну, step by step [стэп бай стэп], вода камень точит* (ЭМ, 12.06.2015).

Нетрудно заметить, что приведенные в статье примеры не однотипны: в одних случаях единицы различных языков образуют «единый план содержания», как это формулирует В. Ю. Розенцвейг (1972, 11–12), излагая идеи Л. В. Щербы (1974, 315 ссл.) о смешанном билингвизме, но с использованием более новой терминологии («обобщение означаемых двух языков, вплоть до образования единого языка в плане содержания с двумя способами выражения»). В других примерах инородность лексических единиц осознается и является прагматически значимой. Не всегда ясно, стоит ли за подобным употреблением бессознательная привычка или определенное осмысление. В большинстве приведенных примеров усматривается разное содержание за единицами разных языков, и именно это становится основным мотивом их совместного использования или предпочтения одного другому; об этом же свидетельствуют некоторые метаязыковые комментарии говорящих. Наиболее интересным представляется осознание неравнозначности лексических единиц различных языков и даже приписывание иноязычным словам особых смыслов, отсутствующих в языке-источнике (среди которых количественно

преобладают английский, французский, немецкий и итальянский языки, реализующие весь спектр функций, тогда как другие языки используются почти исключительно в целях создания колорита).

Таким образом, для достаточно многих современных носителей русского языка характерно существование в нескольких языковых мирах; и другие языки/другой язык (чаще всего английский), похоже, постоянно присутствуют в сознании человека, который свободно черпает из них не только недостающие слова, но, что более существенно, и понятия из других языков и культур, и таким образом достраивает свою картину мира.

Библиография

- ГОРБОВ, А. А. (2014), Заимствования в русском языке рубежа XX–XXI веков: дань моде или способ концептуализации актуальных понятий? В: Acta Slavica Estonica V: Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVI. Антропоцентризм в языке и речи. Тарту, 127–140.
- КАРПЕНКО, М. А./ЩЕРБАК, Е. А. (1974), Нетранслитерированные иноязычные элементы и их функции в произведениях Л.Н. Толстого. В: Материалы толстовских чтений (Республиканский сборник). Тула, 154–164.
- КРЫСИН, Л. П. (2008), Лексическое заимствование и калькирование. В: Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI вв. Москва, 167–184.
- ЛАНЧИКОВ, В. К. (2005), Семь заблуждений относительно заимствований. В: Мосты. Журнал переводчиков. 3 (7), 36–43.
- ЛИСТРОВА, Ю. Т. (2014), Немецкие беспереводные вкрапления в языке трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность». В: Материалы толстовских чтений (Республиканский сборник). Тула, 143–153.
- НИКОЛАЕВ, С. Г. (2005), Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов. Часть II: Онтологические, корреляционные и функциональные характеристики иноязычия в поэзии. Ростов-на-Дону.
- РОЗЕНЦВЕЙГ, В. Ю. (1972), Основные вопросы теории языковых контактов. В: Звегинцев, В. А. (ред.), Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. Москва, 5–22.
- ФИЛИН, Ф. П. (ред.) (1981a), История лексики русского литературного языка XVII – начала XIX века. Москва.
- ФИЛИН, Ф. П. (ред.) (1981b), Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века. Москва.
- ЧЕРНЫШЕВА, М. И. (1994), К вопросу об истоках вариантности в ранних славянских переводах с греческого языка. В: Вопросы языкознания. 2, 97–107
- ЩЕРБА, Л. В. (1974), Языковая система и речевая деятельность. Ленинград.